

Гастон Пьеру

ПРИБЛИЖА ЮЩЕСЯ

Гастон Леру
Призрак Оперы

«Седьмая книга»

1910

Леру Г.

Призрак Оперы / Г. Леру — «Седьмая книга», 1910

Париж, 1877 год. В здании Гран-Опера странным образом погибают несколько рабочих. По городу расползаются слухи о таинственном призраке, обитающем в стенах старинного театра...

© Леру Г., 1910

© Седьмая книга, 1910

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	29
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Гастон Леру Призрак Оперы

Предисловие

История, о которой ваш покорный слуга хочет рассказать на страницах этой необычной книги, произошла в Парижской Опере всего каких-то лет тридцать назад. Ее правдивость не вызывает сомнений, так как и по сей день в Гран Опера, так называют этот храм искусства его служители и почтенные прихожане, до сих пор можно отыскать очевидцев тех загадочных и трагических событий. Да и способно ли время стереть из памяти странное исчезновение актрисы со сцены во время спектакля на глазах у изумленной публики и страшную находку — тело знатного аристократа, каким-то невероятным образом оказавшемся на дне подземного озера, затерянного в лабиринтах потустороннего Парижа. Молва приписывала эти и другие дерзкие преступления Призраку, который якобы нашел пристанище в подвалах Гран Опера. И как мне удалось узнать, этот Призрак не был плодом разгоряченной фантазии. Он действительно существовал, существовал во плоти и крови, но старался сделать всё возможное, чтобы его считали бесплотным духом.

Он появился в Парижской Опере также внезапно и ярко, как и исчез. И мне пришлось ни один год по крупицам собирать сведения о нем.

Я провел долгие часы над «Мемуарами импресарио», легковесной книжонкой Армана Моншармэна, который за время своей службы в Опере так и не разгадал тайну Призрака, но с удовольствием высмеял в своих воспоминаниях некую финансовую аферу, известную под названием «магический конверт». Чувствуя, что призрак за скучными подробностями Моншармэна ускользает от меня, я с тоской покинул библиотеку и вдруг у ее дверей встретил администратора нашей Национальной академии музыки. Он о чем-то беседовал с приятным седовласым господином, которому с удовольствием представил меня. Этот пожилой человек был месье Фор, мировой судья, расследовавший это знаменитое дело. Я искал его уже несколько лет, но никто не мог сказать мне, куда исчез судья, жив он или мертв. Как выяснилось, он только что приехал из Канады, где прожил последние пятнадцать лет.

Мы проговорили с ним весь вечер, и месье Фор от души смеялся, когда я расспрашивал его о Призраке. «Шерше ля фам», — загадочно улыбался судья. Он был уверен, что причиной трагедии, которая разыгралась между двумя братьями из знатной аристократической семьи, один из которых страдал душевным недугом, стала как раз исчезнувшая со сцены актриса Кристина Даэ. Впрочем, по его словам, на процессе выступал один свидетель, который утверждал, что не раз видел в Опере призрака. Его называли в театре «Перс», так как он был родом из Персии. Но судья не принял эти показания всерьез, посчитав Перса просто сумасшедшим.

Естественно, я сразу заинтересовался им и решил немедленно отыскать столь важного свидетеля. Интуиция не подвела меня, и я нашел Перса в небольшой квартире на улице Риволи, где он жил и где умер через пять месяцев после нашей памятной встречи.

Признаюсь, что сначала я не поверил Персу. Но вскоре все мои сомнения рассеялись, когда он рассказал мне все, что сам знал о Призраке Оперы, представил неопровержимые доказательства его существования и, наконец, вручил мне письма самой Кристины Даэ, в подлинности которых я вскоре убедился.

А когда я разузнал все, что мог, о Персе, то пришел к выводу, что он порядочный и здравомыслящий человек. Такого же мнения придерживались и друзья знатной семьи, которые, так или иначе, оказались вовлечены в это дело. Они поддерживали меня в моем доброволь-

ном расследовании и оказывали всяческое содействие. В доказательство я хочу процитировать письмо некоего генерала Д., и вот что он писал мне:

«Многоуважаемый месье!

Спешу сообщить Вам, что я отлично помню, что за несколько недель до исчезновения оперной дивы Кристины Даэ и трагедии, которая печалила всех нас, танцовщицы только и говорили, что о каком-то призраке в театре. Но как только певица пропала, а граф при странных обстоятельствах погиб, призрака больше никто не видел и не упоминал о нем. Не могу судить, стоит ли приписывать эти преступления Призраку Парижской Оперы, но надеюсь, что вы расскажете нам больше обо всем произошедшем. Каким бы таинственным всё это ни казалось на первый взгляд, оно представляется более естественным, по сравнению с тем, что произошло с двумя братьями, которые всегда преданно любили друг друга и которым злые языки теперь приписывают смертельную вражду...»

Наконец, собрав неопровержимые доказательства, я обошел всё здание Парижской Оперы, огромную империю Призрака, и внезапное открытие поставило точку в моем расследовании. В подвале Оперы рабочие обнаружили скелет. Едва увидев его, я не сомневался — это останки именно того, кто называл себя Призраком Оперы. Но подробнее об этом я расскажу дальше.

Завершить же это предисловие я хочу словами благодарности тем, кто добросовестно исполнил вторые роли в нашей драме, но оказал мне неоценимую помощь. Это полицейский комиссар Мифруа, который проводил предварительное расследование после исчезновения Кристины Даэ, месье Реми, бывший секретарь, месье Мерсье, бывший администратор, месье Габриэль, бывший хормейстер, и в особенности баронесса Кастелло-Барбезак, когда-то «маленькая Мэг», самая яркая звезда в нашем непревзойденном кордебалете и дочь покойной матушки Жири, которая служила консьержкой в ложе призрака. Благодаря им, сегодня мы можем воспроизвести те события во всех подробностях.

Глава 1

В тот вечер, когда в Парижской Опере давали прощальный гала-концерт два ее бессменных директора месье Дебьенн и месье Полиньи, в гримерку одной из ведущих балерин театра — мадмуазель Сорелли неожиданно вбежали несколько разгоряченных танцовщиц кордебалета. Их истеричный смех и пронзительный визг отвлекли Сорелли, она нарочно ушла к себе, чтобы отрепетировать прощальную речь, которую должна была произнести уходящим директорам, но ей помешали. Прима недовольно взглянула на перепуганных девиц и строго спросила: в чем дело.

Маленькая Жамме, прелестное создание с голубыми, как незабудки, глазками, нежным румянцем и лебединой шейкой, которая так волновала поклонников, прерывающимся от волнения голосом выпалила:

— Призрак! Призрак Оперы!

И быстро подбежав к двери, закрыла ее на ключ.

Артистическая гримерка Сорелли была непохожа на крепость, которая могла надежно защитить молодых танцовщиц от вторжения потустороннего гостя. Обставленная по последней моде — с большим во весь рост зеркалом, мягким диванчиком, изящным туалетным столиком и вместительным гардеробом, она, скорее, напоминала уютное гнездышко изнеженной красотицы. Стены украшали несколько гравюр, доставшихся в наследство от ее матери, которая знавала славные дни старого оперного театра на улице Лепелетье. Весели портреты Вестриса, Гардэля, Дюпона и Биготтини. Эта комната казалась начинающим танцовщицам настоящим храмом. Сами они ютились в тесных общих гримерках, где все время стояли шум и брань, которые прекращалась только нетерпеливым звонком режиссера.

Сорелли, расстроенная этим вторжением, решила, что теперь по всем приметам ее выступление не пройдет гладко, а слово «призрак», случайно сорвавшееся с чьих-то нежных губ, заставило ее вздрогнуть:

— Вот глупышка! — вздохнула Сорелли и выразительно посмотрела на Жамме. Но любопытство взяло верх, и она не удержалась и добавила:

— Так ты его видела?

— Как теперь вижу Вас, — простонала Жамме, падая на стул.

— Какой же он страшный! — добавила худенькая, смуглая Жири.

— О, да! — хором воскликнули танцовщицы.

И все снова разом затараторили. Сорелли смогла разобрать, что призрак явился танцовщицам, когда они спустились со сцены в узкий коридор. Он вырос как будто из-под земли или вышел прямо из стены в образе строгого мужчины во фраке.

— Пустяки! — сказала одна из самых хладнокровных девиц. — Просто кому-то везде чудятся призраки.

И действительно, последнее время в театре только и было разговоров, что об этом призраке во фраке, который прогуливался по всему зданию и, как только его замечали, исчезал неизвестно куда и как. Сначала все дружно смеялись, шутили над его старомодным костюмом, но затем мало-помалу образ призрака оброс легендами. Все уверяли друг друга, что они уж точно видели этого необычайного господина или испытали на себе его губительное влияние. И даже если сам призрак не возникал, он давал о себе знать какими-нибудь необычайными происшествиями. Но всегда его появление не сулило ничего хорошего.

Случалось ли какое-нибудь недоразумение, ссорились ли две подруги, или пропадала пуховка из пудреницы, во всем теперь был виноват призрак Оперы.

Но кто же его, всё-таки, видел? В театре и без призраков немало мужчин во фраках. Но у этого было одно отличие: под фраком скрывался... скелет.

По крайней мере, это утверждали барышни.

И, кроме того, у него вместо головы, был... отвратительный голый череп.

Может быть, это были просто чьи-то выдумки. Надо сознаться, что первым о скелете под фраком рассказал старший рабочий сцены Жозеф Бюкэ, который действительно видел призрака. Он столкнулся с таинственным незнакомцем — можно сказать нос к носу, если у этого последнего, конечно, имелся нос — на одно мгновение, так как призрак сейчас же растворился в воздухе; но на Бюкэ эта встреча произвела неизгладимое впечатление.

— Он настолько худ, — шептал потрясенный Бюкэ, — что одежда на нем висит, как на скелете. Вместо глаз у него две пустых черных глазницы, а кости обтянуты отвратительной грязновато-желтой кожей, нос так мал, что его совсем не видно в профиль, и это почти полное отсутствие носа делает его лицо особенно ужасным. Несколько длинных, темных прядей волос падают ему на лоб и небрежно висят за ушами.

Напрасно Жозеф Бюкэ пытался проследить за незнакомцем, призрак исчез как по волшебству, не оставив после себя никаких следов.

Старший рабочий сцены был человек серьезный, положительный и не пьющий. Поэтому ему поверили, и его рассказ положил начало новым рассказам, в которых каждый старался уверить слушателей, что он тоже видел этот оживший скелет во фраке.

Скептики поначалу утверждали, что доверчивый Жозеф Бюкэ просто-напросто стал жертвой глупого розыгрыша одного из своих подчиненных!.. Но через некоторое время произошли такие удивительные и необъяснимые события, что даже самые неверующие усомнились в своей правоте.

— Что вы скажете относительно брандмейстера? Не просто пожарный, а брандмейстер. Уж, кажется, одно это увесистое слово: «брандмейстер» может считаться синонимом неустрашимости. Уж он, казалось бы, ничего не должен бояться, особенно огня.

И что же? Брандмейстер Папэн, случайно задержавшись во время обхода помещения под сценой немного дольше обыкновенного, вдруг выскочил на площадку лестницы бледный, как смерть, дрожащий, с блуждающими глазами, и упал бы без чувств, если бы его не поддерживала мамаша маленькой Жамме. А знаете почему? Потому что он увиделдвигающуюся к нему навстречу... огненную голову.

А уж, казалось бы, чего бояться, — брандмейстера огнем не удивишь.

Кордебалет был взбодоражен.

Эта огненная голова разбивала в пух и прах все прежние описания Жозефа Бюкэ. Начались новые расспросы. И старший рабочий, и брандмейстер должны были снова повторить все, что они видели, и наконец, все сошлись во мнении, что у призрака несколько голов, которые он по желанию меняет.

Вдруг Жамме сорвалась с места и, отбежав в самый отдаленный угол комнаты, испуганно прошептала:

— Слышите?!..

Действительно за дверью послышался легкий шелест, как будто пола коснулся невесомый шелковый наряд. Потом снова наступила гробовая тишина. Сорелли, желая подать пример храбрости, уверенно подошла к двери и попыталась громко спросить, но ее голос дрогнул:

— Кто тут?

Ответа не последовало.

Чувствуя, что на нее обращены все взоры, она, преодолевая себя, всё-таки твердо произнесла:

— Тут кто-нибудь есть?

— Конечно, конечно есть! — воскликнула смуглая, худенькая как сушеный чернослив, Мэг Жири, хватая Сорелли за газовую юбочку.

— Не открывайте, ради Бога, не открывайте!

Но Сорелли, вооружившись никогда не покидавшим ее маленьким, почти игрушечным, кинжалом, все-таки отворила дверь и храбро выглянула в коридор. Он был пуст; ярко-красный фонарь почти не освещал его и только бросал вокруг себя зловещие тени. Танцовщица торопливо захлопнула дверь.

— Никого нет, — сказала она.

— И всё-таки он там был, и мы его видели, — настаивала Жамме, робкими шажками подходя к Сорелли. — Я ни за что не пойду переодеваться одна. Если идти, так всем вместе.

И она набожно потрогала талисман — маленькую коралловую ручку, в то время как Сорелли незаметно перекрестила большим пальцем правой руки деревянное колечко, украшавшее безымянный палец её левой руки.

«Сорелли, — писал как-то один известный журналист, — прелестная молодая женщина, высокая, гибкая как лоза, с задумчивым, чувственным лицом, окруженным ореолом золотистых волос и увенчанное сияющими, как два изумруда, глазами. Когда она танцует, движения ее бедер придают всему телу трепет невыразимого томления. Когда балерина поднимает руки и напрягается, чтобы начать пируэт, тем самым подчеркивая линии бюста и выделяя бедро, мужчины, говорят, готовы размозжить себе голову из-за неосуществленного желания и сойти с ума».

Что касается ума самой Сорелли, то у нее его совсем не было, да она в нем, впрочем, особенно и не нуждалась.

— Однако, девочки, — обратилась она опять к танцовщицам, — возьмите себя в руки. Что это еще за призрак? Кто его видел?

— Мы, мы! — разом закричали девицы. — Он был во фраке, как и в тот вечер, когда его увидел Жозеф Бюкэ...

— А Габриэль его видел вчера днем, днем... когда было совсем светло.

— Габриэль? Учитель пения?

— Да... Как! вы этого не знаете?

— И он был во фраке, днем?

— Кто? Габриэль?

— Да нет же. Этот... неизвестный...

— Конечно, — утвердительно кивнула Жамме, — Мне рассказывал сам Габриэль. Поэтому-то он его и узнал. Хотите, я вам расскажу, как это произошло? Габриэль был в режиссерской. Вдруг отворяется дверь и входит Перс. Знаете, какой у него дурной глаз?

— Еще бы! — хором подтвердили танцовщицы, которых одно имя Перса приводило в трепет.

— Ну, так вот Габриэль, как всякий суеверный человек, при встрече с Персом всегда трогает у себя в кармане ключи, чтоб уберечься от сглаза. Тут, как только Перс появился в дверях, Габриэль вскочил с места и бросился к шкафу, чтобы дотронуться до ключей. Но сделал это так неловко, что разорвал о гвоздь свои панталоны. Тогда, желая поскорее уйти из комнаты, он побежал к двери, стукнулся о косяк и поставил себе на лбу огромную шишку; откинувшись назад, оцарапал ширмой руку и, пытаясь, чтобы не упасть, опереться на рояль, прищемил себе пальцы. Наконец, когда ему удалось кое-как выскочить из комнаты, он так поторопился спуститься с лестницы, что пересчитал спиной все ступеньки. Как раз в это время, мы с мамой подымались по лестнице, и помогли ему встать. Он был весь в крови, мы даже испугались. Но он улыбнулся нам и прошептал: «Слава Богу, что я так легко отделался!», и затем рассказал, что испугался не Перса, а призрака, который вырос у него за спиной, да еще и с мертвой головой, точ в точ как ее описывал Бюкэ.

По комнате пронесся испуганный шепот, потом опять все смолкли, пока, наконец, маленькая Жири не прошептала чуть слышно:

— Жозеф Бюкэ всем сделал бы одолжение, если бы побольше молчал.

— Почему?

— Это мнение мамы, — еще тише прошептала Мэг, озираясь по сторонам.

— Почему же она такого мнения?

— Т-с-с!.. Мама говорит, что призрак не любит, когда его беспокоят.

— Откуда же она это знает?

— Так... я не знаю...

Но этого было достаточно, чтобы разжечь любопытство молодых танцовщиц. Они окружили Жири со всех сторон, умоляя сказать им всю правду, и в то же время, вздрагивая от волнения и ужаса.

— Я поклялась молчать, — чуть слышно прошептала Мэг.

Но они не отставали, и тоже клялись, что никому и никогда не выдадут этой тайны и не успокоились до тех пор, пока Мэг, в глубине души сгоравшая от нетерпения поделиться с кем-нибудь своим секретом, не уступила их просьбам.

— Ну, хорошо... я вам расскажу про ложу...

— Про какую ложу?..

— Про ложу... призрака.

— У призрака есть ложа!?

При одной этой мысли, танцовщицы восторженились:

— Ах, Боже мой, рассказывай скорей, рассказывай!..

— Тише! — прервала их Мэг. — Это ложа № 5, первая от авансены, с левой стороны.

— Неужели?

— Да, да... ключ от нее всегда находится у мамы. Но вы даете слово, что никому не расскажете?

— Ну, конечно, конечно...

— Так вот эта ложа призрака Оперы. Вот уже больше месяца, как в нее никто не входил, кроме, конечно, самого призрака, и ее запрещено продавать.

— И призрак действительно там появляется?

— Да...

— И его видно?

— Конечно, нет. Он там, но... его не видно.

Танцовщицы переглянулись.

— Но ведь, если призрак действительно находится в ложе, его должны видеть, так как он во фраке с мертвой головой.

Этот аргумент несколько не смутил Мэг.

— Ничуть, — продолжала она, — фрак, череп, огненная голова и все тому подобное — это ерунда. Ничего этого в действительности не существует. Его только слышно и мама тоже его никогда не видела, несмотря на то, что всегда подает ему программу.

— Жири, — прервала ее, наконец, Сорелли, — не морочь нам голову...

Жири расплакалась:

— Напрасно я вам рассказывала... Если бы мама знала... и все-таки пусть бы лучше Жозеф Бюкэ не вмешивался в то, что его не касается. Это ему может принести, несчастье... мама еще вчера говорила...

В эту минуту за дверью послышались чьи-то тяжелые шаги, и раздался взволнованный голос:

— Сесиль! Сесиль! Ты здесь?

— Это моя мама, — сказала Жамме. — Что случилось?

Она распахнула дверь, и, едва переводя дыхание, в уборную ввалилась необъятная дама, с красным, как кирпич, лицом и испуганными, растерянными глазами.

— Какое несчастье! — простонала она, падая на кресло: — какое несчастье!..

— Что такое? Что случилось?

— Жозеф Бюкэ...

— Ну!..

— Жозеф Бюкэ... умер!

Танцовщицы вскрикнули.

— Да... его только что нашли... он повесился... Но, самое ужасное то, — задыхаясь, продолжала толстуха, — что наткнувшиеся на его тело рабочие сцены утверждают, что они слышали зауспокойное пение.

— Это — призрак! — невольно вырвалось у Мэг, но она сейчас же спохватилась и поспешно добавила: — нет, нет, я ничего не сказала... ничего...

Однако подруги уже подхватили её мысль:

— Конечно, это призрак, конечно...

Сорелли побледнела, как полотно.

— У меня теперь точно не хватит сил, чтобы сказать свою речь, — пробормотала она.

Мамаша Жамме тем временем проглотила рюмочку ликеру и только тогда решилась высказать свое мнение:

— Конечно, это дело призрака!..

Ужасная новость быстро разнеслась по всему театру, гримерные опустели и молоденькие танцовщицы, прижимаясь к Сорелли, как испуганные овцы к своему пастырю, с замирающими от страха сердцами, направились по едва освещенным коридорам в фойе.

Глава 2

На лестнице Сорелли и прижимающиеся к ней танцовщицы столкнулись с графом де Шаньи. Всегда спокойный граф был очень взволнован.

— А я направлялся к вам, — любезно поздоровался он с Сорелли. — Какой прелестный спектакль! А Кристина Даэ! Истинный восторг!

— Что вы говорите, — запротестовала Мэг Жири. — шесть месяцев назад она не могла рта раскрыть. Однако позвольте нам пройти, милый граф, — комическим реверансом продолжала плутовка, — мы спешим узнать о повесившемся Бюкэ.

Проходивший мимо управляющий при этих словах вдруг остановился.

— Как, вы уже знаете, — недовольно нахмурил он брови. — Ради Бога никому не говорите, главное чтобы не узнали Дебьенн и Полиньи, давайте, не будем портить им праздник!

Все направились в балетное фойе, которое уже было переполнено. Граф де Шаньи был прав. Это был особенно удавшийся спектакль; присутствующие еще долго с умилением рассказывали о нем, и будут еще рассказывать не только своим детям, но и внукам. Подумайте только: Гуно, Сейер, Сенс-Санс, Массенэ, Жиро, Делиб, один за другим дирижировали своими произведениями. Мало того, этот спектакль оказался откровением для публики, так как в этот вечер перед очарованным Парижем впервые взойшла новая звезда, — Кристина Даэ, трагическая судьба которой составляет главную тему нашего рассказа.

Гуно дирижировал «Похоронным маршем марионетки», Рейс — своей великолепной увертюрой к «Сигюр», Сен-Санс — виртуозными «Пляской смерти» и «Восточным сном», Массенэ — «Неизданным венгерским маршем», Жиро — своим «Карнавалом», Делиб — «Медленным вальсом» из «Сильвии» и пиццикато из «Коппелии». Пели неподражаемые Мари Габриэль Краусс и Дениз Блок: первая — болеро из «Сицилийской вечера»; вторая — бриндизи из «Лукреции Борджиа».

Но самый большой триумф достался Кристине Даэ, дивно исполнившей сначала несколько арий из «Ромео и Джульетты», а затем, заменяя внезапно заболевшую Карлотту, блистательно сыгравшей сцену в тюрьме и финальное трио из «Фауста». Боже мой, как она пела!

Это была какая-то новая, доселе неведомая Маргарита. Вызовам на поклон не было конца. Взволнованная Кристина смеялась и плакала в одно и тоже время, пока, наконец, ее без чувств не унесли в гримерную. Известный критик, описывая этот незабвенный спектакль, назвал ее «Новой Маргаритой», угадав своим артистическим чутьем, сколько чистоты и невинности таилось в её юном, нетронutom сердце.

«В её пении, — писал он, — чувствуется восторг первой чистой, как весна, любви. Только любовь, одна она могла сотворить такое чудо, произвести такую ошеломляющую перемену. Мы слышали Кристину Даэ два года тому назад на выпускном экзамене, она ничем не выделялась тогда. Что же случилось теперь? Откуда эти божественные, дивные звуки? Летят ли они с небес на крыльях любви, или это колдовство, наваждение дьявола, которому она продала свою душу? Кто не слышал Даэ в финальном трио последнего акта, не слышал «Фауста».

Между тем завсегдатаи Гран Опера удивлялись, почему от них до сих пор скрывали такое сокровище? Потому что Кристина Даэ была весьма посредственным Зибелем? Или только неожиданная болезнь Карлотты дала ей возможность показать себя совершенно в другом свете? Но почему же тогда, за отсутствием испанской дивы, директора обратились именно к Даэ? Значит, они все-таки знали, насколько она талантлива. Зачем же было это скрывать? И у кого она занималась? Она часто говорила, что репетирует сама. Все это очень и очень странно!..

Граф де Шаньи, стоя у себя в ложе, аплодировал ей вместе со всеми.

Графу Филиппу-Жоржу-Мари де Шаньи шел в это время сорок первый год. Это был настоящий аристократ, изысканно любезный с женщинами и слегка высокомерный с мужчинами, которые завидовали его успехам.

Роста выше среднего, красивый, несмотря на несколько суровое выражение лица и холодный блеск глаз, он был в высшей степени честный и добрый человек. После смерти старого графа Филибера, де Шаньи возглавил один из самых знатных и старинных родов Франции.

Потеряв отца, он принял тяжелую ношу — огромное состояние семьи, которым необходимо было разумно распорядиться, так как обе его сестры и младший брат Рауль и слышать не хотели о разделе, полагаясь во всем на Филиппа; как будто до сих пор существовало право первородства, по которому всё наследство получал счастливый первенец.

Мать семейства, графиня де Шаньи, урожденная де Мержо де ла Мартинье, отошла в мир иной еще раньше супруга. Она умерла при родах младшего ребенка Рауля, появившегося на свет 20 лет спустя после своего старшего брата. Когда умер старый граф, Раулю было двенадцать лет, и старший брат Филипп усердно занялся его образованием.

Ближайшими помощниками ему были сначала обе родные сестры, а затем старуха-тетка, вдова моряка, развившая в юном Рауле такую пылкую любовь к морю, что он избрал морскую карьеру и, став одним из лучших выпускников училища, совершил кругосветное путешествие, и вот теперь, в ожидании нового назначения, проводил на родине свой шестимесячный отпуск.

Несмотря на то, что ему уже минул 21 год, Рауль выглядел безусым мальчишкой и поразал своей застенчивостью, скромностью и такой женственностью манер, что так часто является следствием чересчур изнеженного, исключительно дамского окружения в детстве.

Блондин, с ясными голубыми глазами и едва пробивающимися усиками, он, по свежести и цвету лица, мог соперничать с любой юной девицей, чья красота только набирает цвет. Филипп его страшно баловал и, пользуясь отпуском своего брата, знакомил его с Парижем. Граф придерживался мнения, что в возрасте Рауля излишнее благоразумие неблагоразумно, и сам, будучи человеком вполне уравновешенным и корректным, всюду возил его с собой и даже проводил за кулисы Парижской Оперы. Может быть, этого и не следовало делать, так как ходили слухи, что Филипп близок с Сорелли. Но разве это преступление... Какое кому дело до того, что холостой мужчина в самом расцвете сил проведет пару часов вечером в обществе молодой танцовщицы, которая пусть и не могла похвастать умом, но во всем остальном была само совершенство. К тому же граф де Шаньи как истинный аристократ и парижанин был просто обязан вести светскую жизнь, а балетное фойе Оперы считалось одним из шикарных мест randevu. Впрочем, возможно, что Филипп и не свез бы туда Рауля, если бы юноша сам не просил его об этом неоднократно.

Когда граф, наконец, перестал аплодировать Кристине и повернулся к младшему брату, то был поражен его бледностью. На вопрос: что с ним, Рауль ответил:

— Разве ты не видишь, что ей плохо?

Действительно, Кристина Даэ была в обмороке.

— Но тебе, похоже, тоже нехорошо, — наклонился к нему брат. — Что с тобой?

— Пойдем!.. — сказал Рауль дрогнувшим голосом.

— Куда? — удивленно спросил граф.

— Узнать, что с ней?... Она никогда так не пела...

Филипп с любопытством посмотрел на брата, и легкая улыбка скользнула по его губам.

— А... вот оно что!.. Ну, идем, идем, — поспешно добавил он.

Однако пробраться на сцену оказалось не так легко. В проходах стояла толпа. Рауль нервно теребил перчатки, но Филипп, со свойственным ему великодушием, делал вид, что не замечает его волнения. Он понимал теперь, почему Рауль бывал так часто рассеян и постоянно заводил разговор об опере.

Наконец, они все-таки попали на сцену. Там стояла обычная суэта. Рабочие, машинисты, плотники, декораторы, статисты, громкие окрики «место! место!», стук молотков и шум расставляемых декораций — всего этого было достаточно, чтобы смутить такого новичка как Рауль, но он, однако, с несвойственной ему решительностью, протискивался сквозь окружающую его толпу, занятый одной мыслью увидеть ту, которая владела его сердцем. Он долго боролся со своим чувством. Он знал Кристину еще девочкой и, увидев ее опять, после долгих лет, когда он не знал, что с ней и где она теперь, он почувствовал, как какое-то сладкое волнение охватывает его существо, и заставляет замирать сердце. И это было неправильно, потому что он дал себе слово любить только одну женщину в мире — свою жену. А разве он мог жениться на певице! Но этого тихого, нежного чувства теперь уже не было. Он как будто переродился, ему казалось, что у него вырвали сердце, грудь его ныла, и это была какая-то невыносимая душевная, и вместе с тем почти физическая боль.

Граф едва за ним поспевал, удивляясь, каким образом он мог знать дорогу, так как сам Филипп никогда не водил его к Кристине. Надо думать, что Рауль пользовался тем временем, когда граф болтал с Сорелли, которая иногда задерживала его до своего выхода на сцену и даже, за неимением услужливой мамы, оставляла ему свои гетры, которые надевала, чтобы, идя на сцену, не запачкать башмаков.

Отложив на несколько минут визит к Сорелли, Филипп шел за братом, пробираясь среди многочисленной публики, желающей в свою очередь узнать что случилось с очаровавшей всех певицей. Бедная девушка все еще была без сознания, так что пришлось вызвать доктора, который тот час же приехал и, бесцеремонно расталкивая толпу, прошел к больной.

Рауль вошел следом за ним. Граф и еще несколько человек остановились на пороге.

— Не находите ли вы, доктор, — смело сказал Рауль, — что здесь слишком много посторонних? Страшно душно...

— Вы правы, — согласился доктор и попросил выйти всех за исключением Рауля и горничной, которая была вне себя от удивления, так как видела молодого человека первый раз в жизни.

Тем не менее, она не посмела что-нибудь сказать. Доктор в свою очередь решил, что очевидно молодой человек имеет право распоряжаться, и таким образом виконт остался около Даэ, в то время как сами директора Дебьенн и Полиньи, пришедшие выразить свое восхищение прелестной артистке, разделили участь посторонних. Граф де Шаньи, очутившейся также, как и другие, за дверью, смеялся до слез:

— Вот разбойник. Нечего сказать, хороша девочка!..

Он был в восторге. «Рауль — настоящий Шаньи», подумал он и направился к Сорелли. Но, как раз в эту минуту, как уже было сказано раньше, он встретил ее в окружении танцовщиц на лестнице.

Между тем Кристина Даэ, глубоко вздохнув, открыла глаза. Лицо Рауля было первое, что она увидела после обморока, девушка вздрогнула, и посмотрела на доктора, на горничную, потом опять на Рауля.

— Кто вы? — спросила она слабым голосом.

— Мадмуазель, — опускаясь на колени и целуя ей руку, ответил молодой человек, — я тот самый маленький мальчик, который когда-то вытащил из воды ваш шарф.

Кристина опять посмотрела на доктора и горничную, и все трое рассмеялись. Рауль густо покраснел и поднялся с колен.

— Мадемуазель, если вам неудобно меня узнать, позвольте мне сказать вам наедине нечто важное.

— Когда мне будет немного лучше, хорошо? — голос её дрожал. — Я очень рада вас видеть, но...

— Но теперь вам надо уйти, — с любезной улыбкой добавил доктор. — Я должен побеседовать с мадемуазель.

— Я совершенно здорова, — вдруг твердо сказала Кристина.

Она встала и провела рукой по лицу.

— Благодарю вас, доктор. Мне необходимо остаться одной... Уходите, пожалуйста, все... оставьте меня... у меня сегодня расстроены нервы...

Доктор хотел что-то возразить, но видя возбужденное состояние молодой девушки, решил, что лучшее средство в этом случае не противоречить больной. Он вышел вместе с Раулем в коридор.

— Я не узнаю ее сегодня, — сказал он, прощаясь, — она всегда такая тихая и кроткая...

Рауль остался один. Кругом не было ни души, очевидно, все направились в балетное фойе, где должны были чествовать двух главным виновников торжества.

Надеясь, что Даэ тоже отправится на торжество, Рауль остался ее ждать и отошел в полутемный угол коридора. Его сердце по прежнему ныло и ему хотелось сейчас же, сию минуту излить свою душу Кристине. Вдруг дверь уборной неожиданно отворилась и вышла нагруженная пустыми картонными коробками горничная. Рауль остановил ее вопросом:

— Как здоровье барышни?

Она ответила, улыбаясь, что барышня абсолютно здорова, но просила ее не беспокоить.

Рауль опять остался один. У него неожиданно мелькнула мысль: не его ли она ждет? Может быть, она выпроводила всех именно для того, чтобы дать ему возможность, как он просил, поговорить с ней наедине. С выскакивающим из груди сердцем он опять подошел к гримерной и уже хотел постучать в дверь, как вдруг до его слуха донесся чей-то властный мужской голос:

— Вы должны меня любить, Кристина!

— Зачем вы это говорите? Разве вы не знаете, что я пою только для вас, — дрожащим от слез голосом ответила молодая девушка.

Рауль отшатнулся. Он невыразимо страдал. В голове у него зашумело, сердце забилося так сильно, что ему казалось, что вот-вот в гримерке услышат эти гулкие, как стук молотка, удары, откроют дверь и застанут его на месте преступления... Его, Шаньи! Какой позор!..

Между тем мужской голос продолжал:

— Вы очень устали?

— Я вам отдала сегодня всю свою душу, я еле жива...

— Благодарю тебя, дитя мое, — продолжал тот же голос, — твоя душа прекрасна, самый могущественный император позавидовал бы такому подарку... Ты заставила плакать ангелов...

Больше Рауль ничего не слышал. Боясь, чтобы его не заметили, он спрятался в самый темный закоулок коридора и стал ждать. Ему хотелось, во что бы то ни стало, увидеть своего соперника.

Вдруг дверь отворилась и к его огромному удивлению на пороге появилась, закутанная в мантию, Кристина. Она была одна, Рауль заметил, что она не закрыла дверь на ключ, а только, притворив ее, пошла по коридору.

Он даже не проводил ее взглядом. Все его внимание было поглощено дверью, которая уже больше не отворялась. Наконец оставшись один, Рауль вышел из своей засады, в свою очередь открыл дверь гримерной и, войдя туда, плотно запер ее за собой. В комнате было темно. Очевидно, только что потушили газ.

— Кто здесь? — громко спросил он, прислоняясь спиной к двери: — что за игра в прятки?

Ни звука!.. Слышно было только порывистое дыхание молодого человека. Он окончательно потерял голову.

— Вы не выйдете отсюда без моего разрешения! — закричал он. — Отвечайте мне в сию минуту, или я буду думать, что вы трус. Я сумею вас найти!..

Он чиркнул спичку. Гримерка была пуста. Тогда он запер дверь на ключ, зажег все лампы и начал поиски. Он обшарил все шкафы, комоды, мебель, даже стены... Никого!..

— Чёрт возьми, — громко сказал он, — я, вероятно, схожу с ума.

Прошло еще минут десять. В комнате царила прежняя тишина, едва нарушаемая монотонным шипением газовых рожков. Машинально, как лунатик, Рауль вышел из гримерки и пошел по коридору. Внезапно в лицо ему ударил поток холодного воздуха. Рауль очнулся у края узкой винтовой лестницы, по которой несколько рабочих несли что-то вроде носилок, покрытых чем-то белым.

— Где здесь выход? — спросил он у одного из рабочих.

— Разве вы не видите? Прямо перед вами, — получил он ответ. — Двери не заперты. Позвольте-ка пройти!..

Он машинально спросил:

— Что вы несете?

— Жозефа Бюкэ, повесился, бедняга...

Рауль посторонился, снял шляпу и вышел вслед за носилками.

Глава 3

Между тем прощальный бенефис Дебьенна и Полиньи начался.

Балетное фойе — идеальное место для такого рода церемонии, было переполнено. Впереди всех, с бокалом шампанского и приготовленной речью стояла Сорелли, вокруг нее толпились танцовщицы, одни уже успели принарядиться, другие переминались в коротеньких газовых юбочках, но все с одинаково торжественным видом негромко перешептывались между собой, обсуждая последние печальные события, и искали глазами в толпе посетителей у буфета хороших знакомых. Только пятнадцатилетняя Жамме, с детской беззаботностью, порхала с места на место, кокетничала, улыбалась и шалила до тех пор, пока выведенная из себя Сорелли строго не одернула ее. Наконец, показались виновники торжества — директора Парижской Оперы, которые хотели покинуть свой храм вовремя, то есть, во всем блеске театральной славы. Все сразу заметили, что Дебьенн и Полиньи в отличном расположении духа. В провинции эта веселость показалась бы наигранной, но в Париже, где всякий непременно старается замаскировать свои настоящие чувства, она считалась хорошим тоном. Сорелли первой взяла слово. Оба директора слушали ее с беззаботной радостью, как вдруг испуганный крик маленькой Жамме разом согнал с их лиц приторные улыбки и показал всем присутствующим их истинную жалкую и обескураженную натуру.

— Призрак! Призрак Оперы! — с неописуемым ужасом воскликнула она, указывая рукой по направлению группы мужчин, среди которых, действительно, выделялось чье-то такое бледное, страшное, как смерть, лицо, что все присутствующие пришли в восторг от удачного сравнения.

— Призрак Оперы! Ха, ха, ха!..

И все, толкая друг друга, старались пробраться поближе к этому интересному субъекту. Но он уже смешался с толпой и исчез. Сорелли была вне себя от раздражения: всё-таки ей так и не удалось окончить торжественную речь. Не смотря на это, оба директора поспешили ее поблагодарить, и, расцеловавшись с ней, исчезли почти также внезапно, как призрак. Впрочем, это никого не удивило, так как все знали, что им еще предстояла такая же церемония этажом выше, в оперном фойе, а затем должен был состояться большой прощальный ужин, на который были приглашены и новые директора Парижской Оперы, Моншармэн и Ришар. Несмотря на то, что Дебьенн и Полиньи чуть ли не вчера познакомились со своими приемниками, между всеми возникло самое трогательное согласие, благодаря чему ужин вышел особенно приятным.

Правительственный комиссар произнес необыкновенно удачный тост, в котором, превознося до небес заслуги уходящих директоров, в то же время сумел польстить и их преемникам и все вопросы о передачи директорских полномочий были самым миролюбивым образом урегулированы еще накануне, и теперь все с любопытством рассматривали застывших на командный пост новичков.

Дебьенн и Полиньи вручили Мушармену и Ришару два маленьких универсальных ключа, которые отпирали все несколько тысяч дверей Национальной академии музыки. Собравшиеся с любопытством рассматривали эти ключи. Их передавали из рук в руки, как вдруг внимание некоторых гостей привлекла странная фигура с бледным, фантастическим лицом, которая уже появлялась в комнате танцовщиц и которую маленькая Жамме встретила восклицанием: «Призрак Оперы!» Человек сидел в конце стола и вел себя совершенно естественно, за исключением того, что ничего не ел и не пил.

Бледное, замогильное лицо производило такое неприятное впечатление, что все избегали смотреть в его сторону. В течение всего ужина он не произнес ни одного слова и даже его ближайшие соседи не могли отдать себе отчета, когда он именно появился и сел между ними. Друзья Ришара и Моншармэна думали, что это знакомый Дебьенна или Полиньи, другая

половина гостей решила, что этот скелетоподобный господин приглашен новыми директорами. Таким образом, не было произнесено ни одного неуместного восклицания, ни одной шутки, способной задеть самолюбие этого странного гостя. Некоторые из присутствующих, знакомые с легендой о призраке Оперы, вспомнили описание теперь уже покойного Жозефа Бюкэ, о смерти которого еще не все знали, и сошлись во мнении, что сидевший на конце стола незнакомец мог бы служить отличной иллюстрацией этого театрального суеверия, если бы не присутствие на его лице колоритного носа, которого, по словам Бюкэ, у привидения не было. Но надо заметить, что месье Моншармэн в своих «Мемуарах» говорит по этому поводу: «У него был длинный, тонкий, прозрачный нос» и, добавлю от себя, — что он был искусственный и не прозрачный, как показалось Моншармэну, а просто блестящий. Наука шагнула так далеко, что каждый, лишившийся, из-за какого-нибудь несчастного случая, носа, может в любой момент заменить его великолепным искусственным. Однако, надо сознаться, что присутствие призрака Парижской Оперы на прощальном ужине остается под большим сомнением, и я упоминаю об этом случае только потому, что считаю его вполне возможным, особенно ссылаясь на девятую главу мемуаров самого Моншармэна, которые цитирую дословно: «Вспоминая подробности ужина, я не могу обойти молчанием сообщение господ Дебьенн и Полиньи о присутствии на нём неизвестной им странной личности».

Вот как это произошло:

Сидевшие посередине стола господа Дебьенн и Полиньи еще не успели заметить незнакомца со странной головой, как вдруг тот заговорил:

— Действительно, в смерти Жозефа Бюкэ есть что-то загадочное.

Дебьенн и Полиньи от неожиданности подпрыгнули на своих стульях.

— Как!? Бюкэ умер!?!..

— Да, — спокойно ответил незнакомец, — его только что нашли повесившимся в третьем подвале под сценой, между декорациями «Короля Лагора».

Оба директора вскочили с места, не сводя глаз с говорившего. Трудно было допустить, чтобы их так глубоко тронула смерть старшего рабочего Гран Опера. Они побледнели, как скатерть, переглянулись, сделали знак рукой Ришару и Моншармэну и, извинившись перед гостями, все четверо направились в кабинет дирекции. Теперь я предоставляю слово самому Моншармэну:

«Господа Дебьенн и Полиньи были в большом волнении, — пишет он, — и казалось, не решались нам что-то сообщить. Прежде всего они спросили нас, знаем ли мы того субъекта, который только что сообщил им о смерти Жозефа Бюкэ и, получив отрицательный ответ, окончательно смутились. Затем, взяв от нас оба ключа, они повертели их в руках, покачали головами и посоветовали сделать везде в Опере новые замки, если мы желаем, чтобы что-нибудь у нас было действительно заперто. Это было сказано с таким забавным видом, что мы не могли сдержаться, чтобы не спросить со смехом:

— Неужели вы так боитесь воров?

Они ответили, что опасны не воры, а местный ... **призрак**. Мы снова расхохотались, уверенные в том, что они шутят. Тогда они, умоляя нас отнестись к их словам вполне серьезно, сообщили, что никогда не стали бы говорить с нами о приведении, если бы сам призрак не приказал им предупредить нас о необходимости быть с ним как можно любезнее и исполнять **все** его желания. Вне себя от радости, что им удастся, наконец, покинуть владения таинственного призрака и забыть раз и навсегда его требования, они не спешили знакомить нас с этим необыкновенным явлением, пока, наконец, ужасная смерть Жозефа Бюкэ не напомнила им, что всякий раз, когда они не выполняли воли привидения, в Опере всегда происходило какое-нибудь таинственное и ужасное происшествие.

В течение всей этой неожиданной, произнесенной почти шепотом речи, я не спускал глаз с Ришара, который еще, будучи студентом, обладал необыкновенной способностью разыг-

рывать собеседников. Он казался особенно довольным, точно смаковал какое-нибудь вкусное блюдо, сочувственно покачивал головой и, по мере того, как развивался рассказ, его физиономия делалась все печальнее, как будто теперь, узнав о существовании призрака, он начинал жалеть, что вмешался в это дело. Я ничего не мог придумать лучшего, как строить точно такие же гримасы до тех пор, пока мы оба, несмотря на все наши усилия сохранять серьезность, не расхохотались в лицо обоим рассказчикам, которые пораженные таким внезапным переходом от серьезности к самому неуместному веселью, по-видимому, решили, что мы сошли с ума.

Наконец, найдя, что комедия длится слишком долго, Ришар, полушутя, полусерьезно спросил:

— Но, однако, что же этому привидению нужно?

Полиньи подошел к бюро и достал копию свода постановлений Оперы. Текст начинался так:

«Дирекция Парижской Оперы обязуется ставить каждый спектакль с пышностью и великолепием, достойными первой лирической сцены Франции» и кончается параграфом 98-м:

«Контракт может быть нарушен: 1) в том случае, если директор не придерживается нижеследующих предписаний:

Следуют предписания.

— Эта копия, — говорит в своих мемуарах Моншармэн, — точно также как и та, которая находится у нас, написана черными чернилами. Между тем, Полиньи указал нам на несколько красных строчек, написанных странным неровным почерком, как будто их писал ребенок, еще не научившийся связывать буквы.

Это добавление к параграфу 98 гласило:

«Если директор задержит более чем на две недели уплату ежемесячного пособия Призраку Парижской Оперы, в размере 20 тысяч франков, т. е. 240 тысяч франков в год».

Полиньи в смущении указал нам на этот удивительный параграф.

— И в этом все его требования? — невозмутимо спросил Ришар.

— О, нет, — возразил Полиньи и, перелистав тетрадь, прочел:

«Параграф 63. — Большая ложа № I на авансцене предоставляется на все представления в распоряжение Правительства.

Бенуар № 20 по понедельникам и ложа 1-го яруса № 30 по средам и пятницам предоставляются господину Министру.

Ложа второго яруса № 27 поступает ежедневно в полное распоряжение префектов департаментов Сены и полиции», и тут же добавлено красными чернилами:

«Ложа первого яруса № 5 предоставляется на все представления в полное распоряжение Призраку Парижской Оперы».

Прочитав это, нам не оставалось ничего, как только встать и, пожав руки нашим предшественникам, поздравить их с такой удачной шуткой, которая еще раз доказала неистощимость их, чисто французского, остроумия.

— Теперь, — добавил Ришар, — мы понимаем причину вашего ухода из Парижской Оперы. Возможно, ли работать с таким требовательным призраком?!

— Конечно, — нисколько не смущаясь, ответил Полиньи, — 240 тысяч франков не валяются на земле. А сколько мы теряли, не имея возможности продавать ложу № 5, не говоря уже о том, что мы должны были вернуть за нее плату абонентам. Весь наш доход, можно сказать, шел на призрака. Красиво уйти — это было единственное спасение!

— Да — подтвердил Дебьенн, — уходить, скорее уходить отсюда! Идем, Полиньи!

Он поднялся с места. Ришар его задержал:

— А мне кажется, что вы слишком церемонитесь с этим призраком. Я бы на вашем месте просто велел его арестовать...

— Где? каким образом? — воскликнули Дебьенн и Полиньи в один голос. — Мы даже его никогда не видели.

— Когда он сидит в своей ложе.

— Его никогда не видно!

— Тогда продавайте ее.

— Продать ложу Призрака Оперы? Ну, что ж, попробуйте!

После этих слов, мы вчетвером вышли из кабинета. И потом долго еще не могли вспоминать без смеха этот разговор».

Глава 4

Моншармэн оставил после себя такие обширные мемуары, что может возникнуть справедливый вопрос, когда же он находил время заниматься делами Оперы. Он никогда не знал ни одной ноты, но зато был в приятельских отношениях с министром общественного образования и изящных искусств, немного писал как журналист, и, кроме того, у него было довольно большое состояние. Чертовски обаятельный и без сомнения умный, он выбрал себе весьма достойного партнера в Парижской Опере — Фирмена Ришара.

Ришар был выдающимся композитором и истинным джентльменом. Вот его характеристика, опубликованная в «Театральном ревю» в те дни, когда он стал одним из директоров «Гран Оперы»:

«Фирмену Ришару около пятидесяти лет. Он высок ростом и широк в плечах, но у него нет ни единой капли жира. Обладает ярко выраженной индивидуальностью и внушительной внешностью. Цвет его лица всегда свеж. Волосы спадают довольно низко на лоб, и потому всегда коротко острижены. Его лицо кажется немного печальным, но открытый взгляд и искренняя улыбка подкупают окружающих.

Фирмен Ришар — известный композитор, весьма искусный в гармонии и контрапункте. Его произведения, среди которых несколько высоко отмеченных критикой камерных пьес, фортепьянных сонат и небольших сочинений, полных оригинальности, всегда отличала — монументальность. А легендарная «Смерть Геркулеса», исполняемая на концертах в консерватории, несет эпическое влияние Глюка, мастера, перед которым мсье Ришар испытывал благоговение. Хотя он обожает Глюка, однако Пуччинни любит не меньше. Преисполненный преклонения перед Пуччинни, он отдает дань уважения и Мейерберу, восхищается Чимарозой, кроме того, как никто другой ценит гений Вебера. Что же касается Вагнера, мсье Ришар недалеко от того, чтобы считаться первым и, вероятно, единственным человеком во Франции, который понимает и ценит его музыку».

На этом закончу цитату. Она явно подразумевает, как мне кажется, что если Фирмен Ришар любит почти всех композиторов, то святая обязанность всех композиторов отвечать ему взаимностью и нежно любить Фирмена Ришара. Чтобы завершить этот словесный набросок, добавлю, что характер его был далеко не ангельским — иначе говоря, он отличался крутым нравом.

На протяжении тех первых дней, которые партнеры провели в Опере, они были поглощены удовольствием ощущать себя хозяевами такого громадного и великолепного предприятия и, без сомнения, забыли об истории с призраком. Однако вскоре произошел инцидент, который напомнил им, что «комедия» (как они говорили) — если это было то, что было, — еще не закончилась.

Однажды утром, разбирая у себя в кабинете только что полученные письма, Ришар обратил внимание на странный конверт, на котором рядом с адресом красовалась надпись красными чернилами: «Лично в руки». Он сразу узнал этот неровный, детский почерк и, распечатав письмо, с удивлением прочел:

«Многоуважаемый господин Директор, очень извиняюсь, что беспокою вас в такое неподходящее время, когда Вы с таким удивительным тактом, знанием театрального дела и умением угодить публике, решаете судьбу наших лучших артистов, заключая и разрывая рабочие контракты. Мне уже известно, как вы отнеслись к Карлотте, Сорелли, Жамме и еще некоторым, чей талант Вы, похоже, распознали с первого взгляда. Вы, конечно, понимаете, что эти слова не относятся ни к бездушной, как шарманка, Карлотте, которая хорошо бы сделала, если бы никогда не покидала «Амбассадор» и кафе «Жакэн», ни к «экстрагениаль-

ной» Сорелли, которая своим успехом обязана главным образом телу; ни к малютке Жамме, прыгающей по сцене наподобие выпущенного в поле молодого теленка, ни даже к такой выдающейся артистке, как Кристина Даэ, которой Вы, с удивительным упорством не даете ни одной мало-мальски порядочной роли. В конце концов, это дело Ваше, и я не имею права вмешиваться. Но, тем не менее, я хочу воспользоваться тем, что пока Вы еще не выжили из состава труппы Кристину Даэ, послушать ее, хотя бы в роли Зибеля, так как после громадного успеха, который она имела на последнем представлении «Фауста» в роли Маргариты, эта роль в дальнейших представлениях запрещена ей Вами. Поэтому, прошу Вас оставить мне как на сегодня, так и на все последующие представления мою обычную ложу № 5, которая, к моему большому удивлению, поступила, согласно вашему приказанию, в продажу.

Будучи врагом всякого рода скандалов и не зная, наверное, ознакомили ли Вас Ваши предместники, милейшие Дебьенн и Полиньи с моими привычками, я не поднимал этого вопроса. Но теперь, узнав от Дебьенн и Полиньи, что они поставили Вас в известность относительно моих требований, неисполнение которых показывает Ваше намерение меня игнорировать, я считаю своим долгом Вас предупредить, что первое условие поддержания между нами мирных отношений, есть предоставление мне вышеуказанной ложи.

Сделав эти маленькие замечания, я прошу Вас считать меня Вашим покорным слугой».

Подписано: **Призрак Оперы.**

В конверт была вложена вырезка из «Театрального ревю»:

«П. О: Р. и М. нельзя простить. Мы предупредили их об этом и оставили ваш Свод постановлений и инструкций. С уважением».

Едва Ришар окончил читать это письмо, как дверь в кабинет отворилась, и вошел Моншармэн с точно таким же письмом в руке. Они посмотрели друг на друга и расхохотались.

— Комедия продолжается, — сказал Ришар.

— Что это значит? — спросил Моншармэн. — Неужели они думают, что, как бывшие директора, имеют право на пожизненное пользование ложей.

Как один, так и другой все еще были уверены, что авторами обоих писем были ни кто иные, как Дебьенн и Полиньи.

— Мне это начинает надоедать, — сказал Ришар.

— Пустяки, — заметил Моншармэн. — Ну, пошлите им на сегодня ложу и делу конец.

Ришар велел секретарю узнать, свободна ли ложа первого яруса № 5 и послать ее Дебьенну и Полиньи. Она оказалась непроданной и тот час же была послана по назначению. Дебьенн жил на углу улицы Скриб и бульвара Капуцинов, а Полиньи на улице Обер. Моншармэн внимательно осмотрел полученные конверты: оба письма были сданы в почтовое отделение на бульваре Капуцинов.

— Обрати внимание! — сказал Ришар.

Они пожали плечами.

— Удивительно, как люди их возраста могут заниматься такой ерундой.

— Во всяком случае, — заметил Моншармэн, — могли бы быть и повежливее. Ты обратил внимание на то, что они пишут относительно Карлотты, Жамме и Сорелли?

— Зависть, дорогой мой, ничего больше. Дойти до того, чтобы писать публикации в «Театральном ревю»... Дальше уже некуда.

— Кстати, — снова начал Моншармэн, — они что-то уж очень интересуются Кристиной Даэ...

— Ты же знаешь, что у нее репутация целомудренной девушки?

— Да, я отлично знаю, как создается репутация, — возразил Моншармэн. — Вот я, например, не знаю ни одной ноты, а считаюсь хорошим музыкантом.

— Успокойся, тебя им никто и не считает, — поспешил его утешить Ришар и приказал впустить в кабинет артистов, которые целых два часа прохаживались по коридору, ожидая, чтобы перед ними раскрылась, наконец, эта заветная дверь, за которой их ждали деньги, слава или увольнение.

В этот вечер, 25 января, утомленные всевозможными спорами, интригами, угрозами и неудовольствиями, оба директора даже не полюбопытствовали заглянуть в театр, чтобы узнать воспользовались ли Дебьенн и Полиньи присланной им ложей.

Наутро им подали два письма: одно было следующего содержания, от «Призрака»:

«Уважаемый, господин Директор!

Приношу мою сердечную благодарность. Прелестный спектакль. Даз была очаровательна. Обратите внимание на хор. По обыкновению хороша, но банальна Карлотта. В скором времени напишу относительно 240.000 франков, — вернее 233424 франков 70 сантимов; так как за 10 первых дней этого месяца мною уже получено от господ Дебьенна и Полиньи 6575 франков 30 сантимов.

Ваш покорный слуга П. О».

Другое от Дебьенна и Полиньи:

«Милостивые, господа!

Примите нашу искреннюю благодарность за ваше любезное внимание. К сожалению, как бы ни приятно нам было еще раз послушать «Фауста», мы вынуждены от этого отказаться, так как присланная вами ложа первого яруса № 5 находится в полном распоряжении того, о ком мы уже имели случай вам говорить, просматривая вместе с вами Свод постановлений Оперы (параграф 63).

Примите и проч.»

— Они начинают действовать мне на нервы! — грубо сказал Ришар, вырывая письмо из рук читавшего его вслух Мушармэна. — Эти господа меня окончательно выводят из себя...

Вечером ложа первого яруса N 5 была продана.

На другой день в числе прочих бумаг Ришар и Мушармэн нашли рапорт контролера здания Большой Оперы, в котором тот доносил о произошедшем накануне происшествии в ложе номер пять. Вот наиболее существенный отрывок из этого короткого рапорта:

«Сегодня вечером, — писал контролер, — я был вынужден в целях сохранения тишины и порядка два раза прибегнуть к содействию полиции. Неизвестные лица, занявшие ложу первого яруса № 5, настолько возмутили весь зал своим громким смехом и неуместными замечаниями, что со всех сторон начали раздаваться возгласы протеста, вследствие которых капельдинерша обратилась к моей помощи. Я вошел в ложу и заявил присутствующим, что если они сейчас же не прекратят подобного безобразия, я буду вынужден вывести их из зала. Но едва я вышел за дверь, как до меня снова долетели хохот и негодующие голоса публики. На этот раз я вернулся с полицейским, который с большим трудом вывел нарушителей, не перестававших со смехом требовать обратно деньги. Когда они, наконец, успокоились, я им разрешил вернуться в ложу, откуда несколько минут спустя снова стал доноситься громкий хохот, вследствие чего я вынужден был окончательно удалить их из зрительного зала».

— Позвать контролера! — крикнул Ришар своему секретарю, который, прочтя этот рапорт еще рано утром, подчеркнул его, как особенно важный, синим карандашом.

Секретарь, мсье Реми, молодой человек, 24-х лет, элегантный, очень неглупый, но вместе с тем заискивающий перед директором, у которого служил по вольному найму и следовательно рисковал в любой момент лишиться места, заранее предвидя это приказание, позаботился, чтобы контролер был на месте.

— Расскажите, как все произошло, — резко произнес Ришар, едва тот успел переступить порог кабинета.

Контролер, ссылаясь на рапорт, пробормотал несколько бессвязных слов.

— Однако, что же их так рассмешило? — спросил Моншармэн.

— Вероятно, хорошо пообедали с вином, мсье, и были больше настроены развлекаться, чем слушать серьезную музыку. Едва войдя в ложу, они сразу же вышли и позвали капельдинершу. Она спросила, что им угодно. Тогда один из мужчин сказал: «Осмотрите ложу — там никого нет, не правда ли?» Билетерша ответила: «Нет», а мужчина произнес: «Хорошо, но тогда почему, когда мы вошли, то услышали, как кто-то сказал, что ложа занята».

Моншармэн с улыбкой взглянул на Ришара. Но тот не был расположен шутить. Со свойственным ему «чутьем» он сразу заподозрил в простодушном рассказе контролера одну из тех якобы, безобидных шуток, которые вначале только смешат своей изобретательностью, но в конце концов, могут довести до бешенства.

Контролер, желая угодить Моншармэну, также улыбнулся. Это было с его стороны ошибкой. Ришар окинул его таким молниеносным взглядом, что улыбка так и застыла на его лице.

— Ну и что же, когда они в первый раз вошли в ложу, там действительно никого не было? — громовым голосом спросил Ришар.

— Никого, господин директор, решительно никого. Да не только в их ложе, но даже соседние были пусты, я за это ручаюсь.

— Как же это объясняет мадам Жири?

— Она все приписывает призраку, — усмехнулся смотритель и сразу понял, что сказал лишнее, так как недовольная физиономия Ришара стала зловещей.

— Позвать сюда капельдинершу! — заорал он. — И сию минуту же, не то я всех вышвырну за дверь...

Контролер хотел что-то сказать, но директор так громко крикнул «молчать», что слова замерли на губах несчастного подчиненного.

— Что это еще за призрак? — снова заговорил Ришар.

Но контролер не мог больше вымолвить ни слова и, разводя руками, старался объяснить жестами, что не имеет о нем никакого понятия.

— Вы его когда-нибудь видели?

Контролер поспешил отрицательно покачать головой.

— Тем хуже для вас! — холодно произнес Ришар.

Контролер с удивлением вытаращил на него глаза.

— Да, тем хуже, — пояснил директор, — Мне уже порядком надоела вся эта история с призраком. Все о нем говорят, и никто его не видит! Хотите служить искусству, так служите как следует!

Глава 5

Поставив контролера на место, Ришар как будто забыл о его существовании и занялся делами с управляющим, который как раз подошел. Между тем несчастный контролер, думая, что ему можно удалиться, стал понемногу пятиться к дверям, стараясь делать это как можно тише, чтобы не привлечь внимания грозного начальства. Но, увы, этот маневр был замечен и неожиданный окрик: «Куда вы?», сразу приковал его к месту. Наконец, в кабинет вошла капельдинерша.

— Как ваша фамилия, мадам?

— Матушка Жири, — развязно-торжественным тоном произнесла статно-необъятная дама. — Да вы же меня прекрасно знаете, месье директор, я — матушка мадемуазель Жири, Мэг Жири!..

Ришар недоумевающе оглядел ее с ног до головы. Видно было, что он не имел никакого понятия ни о самой «матушке», ни о мадемуазель Жири, ни даже о Мэг Жири. Но матушка Жири в своем любимом поношенном платье, выцветшей шали и стоптанных сапожках, была о себе иного мнения, и не могла допустить, чтобы кто-нибудь ее не знал.

— Первый раз слышу, — ответил, наконец, директор. — Тем не менее, потрудитесь сообщить мне, что у вас такое произошло вчера вечером и почему вы и контролер обратились в полицию.

— Я и сама хотела с вами поговорить, месье директор. Господа Дебьенн и Полиньи в свое время имели много неприятностей из-за того, что не хотели меня сначала слушать.

— Я вас об этом не спрашиваю. Отвечайте мне, что произошло вчера вечером?

Матушка Жири вспыхнула. С ней никто и никогда не говорил таким образом. Она уже хотела развернуться и гордо уйти, даже медленно поднялась со стула, но, в последний момент овладев собой, снова села и небрежно произнесла:

— То, что и должно было произойти, когда беспокоят призрака.

Видя, что Ришар едва сдерживается от раздражения, Моншармэн вмешался в разговор и сам начал допрос, из которого скоро выяснилось, что матушка Жири нисколько не удивлена тем, что из пустой логи слышался чей-то голос, и приписывает это явление местному призраку, с которым она и сама не раз беседовала. Её слова могли подтвердить господа Дебьенн и Полиньи, а также месье Исидор Саак, которому призрак даже ногу сломал.

— «Призрак сломал ногу»? Каким же это образом? — прервал её Моншармэн.

Матушка Жири широко раскрыла глаза.

— Как! Господа директора ничего не знают? Ах. Ну, да-да, это произошло еще при прежних директорах, во время представления «Фауста», кстати, в той же ложе № 5.

Она откашлялась, сделала паузу и затем такой глубокий вздох, как будто собиралась исполнить всю партию «Фауста».

— Итак, я начинаю, сударь. На том представлении передние места в ложе занимали ювелир с улицы Могадор господин Маньера с супругой, сзади которой поместился их хороший знакомый месье Исидор Саак. В то время как Мефистофель начал петь (матушка Жири тоже запела) **«Сон твой детский, безмятежный отгони от глаз»**, месье Маньера слышит, как кто-то шепчет ему в правое ухо (жена сидела с левой стороны) «наша Жюли и так, кажется, не спит!» (мадам Маньера зовут Жюли).

Месье Маньера оглядывается, чтобы посмотреть, кто говорит. Никого! Решив, что ему это почудилось, он снова стал смотреть на сцену. Между тем Мефистофель продолжал петь... Но, может быть, господам директорам не интересно?

— Нет, нет, продолжайте!..

— С удовольствием, — кокетливо улыбнулась матушка Жири. — Итак, Мефистофель продолжал свою арию, — (матушка Жири затынула) — **«Мой совет, до обручения не целуй его»**, как вдруг месье Маньера опять слышит тот же самый голос: «Ну, Жюли вряд ли послушается этого совета». Он опять оборачивается, но уже на этот раз в ту сторону, где сидит его жена, и что же он видит! Исидор незаметно взял её руку и... чмок! чмок! — (Матушка Жири убедительно чмокает свою полную руку и продолжает). — Так вот, он жадно целует ее в маленькое отверстие на ладони, не закрытое перчаткой. Можете себе представить, что тут произошло! Раз! Раз! и месье Маньера, такой высокий, представительный господин, вроде вот месье Ришара, закатил Исидору Сааку, а он был такой жалкий, худенький, вроде вас, месье Моншармэн, прошу извинить за сравнение, две оглушительные пощечины. Получился полный скандал. Зрители повскакали с мест: «Перестаньте! Довольно! Он его убьет»! Наконец, Сааку удалось вырваться.

— Но где же во всей этой истории нога, сломанная призраком — съязвил Моншармэн, обиженный сравнением мадам Жири.

— Тем не менее, это случилось, — надменно ответила оскорбленная этим насмешливым тоном матушка. — Привидение сломало ему ногу в тот момент, когда он бежал с лестницы, и так основательно, что едва ли он теперь скоро сюда заглянет.

— И что же, само привидение передало вам все, что оно шептало на ухо месье Маньера? — любуясь своим собственным остроумием, продолжал импровизированный следователь.

— Нет, мне это рассказал месье Маньера, так что...

— Но вы сами когда-нибудь говорили с этим призраком?

— Много раз.

— И что же он вам говорил?

— Право, не знаю... Ну, хотя бы, например... чтобы я подала ему скамейку.

При этих словах желтое лицо матушки Жири покрылось красными пятнами и стало напоминать, по своей окраске, мраморные колонны главной лестницы.

Ришар, Моншармэн и секретарь расхохотались, только умудренный горьким опытом контролер не решился улыбнуться и угрюмо наблюдал за этой сценой. Ему так и казалось, что развязность мадам Жири опять вызовет вспышку гнева господина директора. Каков же был его ужас, когда раздраженная всеобщим весельем капельдинерша зашла еще дальше и почти угрожающе воскликнула:

— Вместо того чтобы так смеяться, вы бы лучше последовали примеру месье Полиньи и попробовали сами убедиться...

— В чем же? В чем? — покатываясь со смеху, спросил Моншармэн.

— В существовании призрака... Он тоже сначала не верил. — Она вдруг успокоилась и продолжила торжествующим тоном, — я вам сейчас расскажу, как это произошло. В тот вечер давали «Иудейку». Господин Полиньи нарочно уселся совершенно один в ложе призрака. Краус имела колоссальный успех. И вот, как только она пропела свою арию из второго акта, (матушка Жири снова пробасила: — «С тобою жить и умереть»)...

— Дальше, дальше, — беспомощно улыбаясь, умолял Моншармэн.

Но мадам Жири не смущаясь, и выразительно покачивая почерневшими от старости перьями на шляпе, продолжала исполнять арию:

«Бежим, бежим же навсегда,
Связала нас сама судьба...»

— Да, хорошо, хорошо, — мы это знаем... что же дальше?

— Так вот в тот момент, когда, помните, Леопольд кричит «бежим», а Элеазар их останавливает и спрашивает: «Куда бежите вы», в этот самый момент господин Полиньи, за которым я наблюдала из соседней пустой ложи, вдруг поднимается с места и, не произнеся ни слова, выходит за дверь. Это произошло так быстро, что я, как Элеазар, только успела у него спросить: «Куда идете вы», на это, впрочем, не получила ответа. Он был бледен, как полотно, и что всего страннее, он, который уж, кажется, хорошо бы должен был знать расположение театра, не мог найти дороги.

— И все-таки я из этого еще не вижу, при каких обстоятельствах и как призрак попросил у вас скамейку, — настойчиво произнес он, не спуская глаз с мадам Жири.

— Призрак Оперы попросил у меня скамейку в первый раз, именно в этот самый вечер, и затем я подавала ее всегда, когда он бывал в театре, что случалось очень часто, так как после инцидента с господином Полиньи эта ложа никогда не продавалась.

— Привидение, требующее скамейку! Ха-ха-ха! — рассмеялся Моншармэн. — Это, что же, женщина?

— Нет, призрак Оперы — мужчина.

— Откуда вы знаете?

— У нашего призрака мягкий, мужской голос. Когда он является в театр, обыкновенно в середине первого акта, он стучит три раза в дверь ложи № 5. Вы можете себе представить, как я была поражена, услышав в первый раз этот стук. Зная, что в ложе еще никого нет, я все-таки подошла к двери, открыла ее и заглянула внутрь: никого! И вдруг мне кто-то говорит: «Мадам Жюль, (это имя моего покойного супруга), будьте добры, дайте, пожалуйста, скамеечку». Я так и остолбенела. Между тем голос продолжал: «Не бойтесь, мадам Жюль это я, — призрак Парижской Оперы». Я посмотрела в сторону, откуда доносился голос, который, кстати сказать, был так приветлив, что я сразу успокоилась, и поняла, несмотря на то, что в ложе никого не было, что «он» сидел справа, у самого барьера ложи.

— Соседние ложи были заняты? — спросил Моншармэн.

— Нет, ни одна, ни другая. Спектакль только что начался.

— Ну, и как же вы поступили?

— Я принесла скамеечку. Очевидно, он просил ее не для себя, а для своей дамы.

— Как? Мало нам одного призрака! У него есть еще и дама?

С матушки Жири оба директора перевели взоры на контролера, который, прячась за ее широкой спиной, старался мимикой объяснить своему начальству, что почтенная матрона не совсем в своем уме. Эта пантомима удалась ему настолько блестяще, что оба директора не только поняли, что он хотел сказать, но даже мысленно решили избавиться от контролера, покровительствующего этой сумасшедшей. Между тем мадам продолжала осыпать призрака комплиментами:

— Уходя из ложи, он мне дает иногда сорок, иногда сто сантимов, а если он не был несколько дней подряд, то и целых десять франков. Но с тех пор, как его стали раздражать, он мне ничего не оставляет на чай.

— Позвольте, милая моя... — от этой фамильярности грязно-бурые перья на шляпе матушки Жири опять закачались во все стороны — позвольте... Каким образом призрак дает вам эти сорок сантимов? — полюбопытствовал Моншармэн.

— Очень просто... Он их оставляет на барьере ложи, рядом с программой, которую я ему всегда подаю. Иногда, после его ухода, я даже нахожу цветы, а однажды нашла оставленный им веер, из чего и заключила, что с ним, вероятно, бывает дама.

— А! Вот что! И что же вы с этим веером сделали?

— Я принесла его на следующий раз в ложу.

Здесь неожиданно контролер счел нужным вмешаться:

— Вы забыли, мадам, о существующих правилах. Я вас штрафую на...

— Помолчи, идиот! — раздался громовой бас Ришара.

— Итак, вы опять принесли веер в ложу, что же дальше?

— Он его, очевидно, взял и вернул своей даме, так как после спектакля веера не оказалось, а на том самом месте, куда я положила его, стояла коробочка с моими любимыми английскими конфетами. Это было так мило со стороны призрака...

— Благодарю вас, мадам Жири, Вы можете идти.

Едва за ней закрылась дверь, как оба директора приказали контролеру немедленно рассчитать безумную старуху, и когда контролер, раскланявшись, в свою очередь вышел из кабинета, они тут же поручили управляющему передать теперь уже контролеру, что они не нуждаются более в его услугах. Наконец, оставшись одни, они признались друг другу, что обоим им пришлось почти одновременно в голову заглянуть в ложу № 5.

Мы тоже за ними скоро туда последуем.

Глава 6

Кристина Даэ из-за интриг, о которых мы скажем позже, после своего неожиданного успеха в роли Маргариты, снова осталась на вторых ролях.

Однако вскоре ей пришло приглашение от герцогини Цюрихской, которая просила начинающую певицу исполнить у нее на вечере несколько произведений из ее репертуара, после чего бывший, в числе присутствующих, известный театральный критик написал о Даэ самые восторженные отзывы.

Однако после этого нового триумфа Кристина снова перестала выступать на публике и даже отказалась от участия в благотворительном концерте, несмотря на то, что сначала дала свое согласие. Казалось, что все ее поступки подчинены не здравому смыслу, а чьей-то чужой воле.

Она нигде не показывалась, и виконт де Шаньи напрасно старался ее увидеть. Наконец, он решился ей написать, прося разрешения к ней приехать.

Это письмо долго оставалось без ответа, как вдруг совсем неожиданно он получил от нее следующую записку:

«Не думайте, что я позабыла о мальчике, вытащившем когда-то из воды мой шарф. Мне хочется вам это сказать сегодня перед отъездом в Перро, куда я еду помолиться на могиле моего бедного отца. Завтра день его смерти. Он похоронен со скрипкой в руках, около маленькой церкви, у косогора, где мы с вами так часто бегали и играли, и потом, несколько лет спустя, простились в последний раз».

Получив это письмо, виконт де Шаньи прежде всего бросился к путеводителю, наскоро собрался, написал несколько слов брату и, вскочив в первый попавшийся экипаж, велел кучеру гнать на вокзал. Увы! Поезд, на который он так спешил, только что отошел. Рауль провел в томительном ожидании целый день, прежде чем другой поезд умчал его из Парижа. Он не переставал перечитывать письмо Кристины, и его нежный, сладостный аромат воскрешал перед ним трогательные картины прошлого. Так прошла вся ночь, полная грез и волнений. На рассвете он приехал в Ланьони и опрометью бросился к дилижансу. Дорогой он узнал от кучера, что вчера вечером в Перро приехала молодая дама, по-видимому, парижанка, и остановилась в гостинице «Закат Солнца». Очевидно, это была Кристина, и она была одна! Из груди Рауля вырвался вздох облегчения. Наконец-то, он сможет с ней поговорить! Он любил ее до безумия, тем более, что был чист, как самая невинная девушка. И по мере того, как он приближался к Перро, ему вспоминались все новые и новые подробности из жизни маленькой шведской певицы.

Когда-то в окрестностях Уппсалы жил крестьянин. В будни он обрабатывал землю, а по воскресеньям пел на клиросе. У него была маленькая дочь, которая научилась читать ноты, раньше, чем буквы. Отец Кристины, сам того не подозревая, был выдающимся музыкантом. Он считался лучшим скрипачом и во всей округе ни одни танцы не обходились без его музыки. Когда Кристине исполнилось шесть лет, ее мать умерла. На следующий день после смерти жены Даэ продал принадлежавший ему клочок земли, забрал всё свое богатство: дочь и скрипку и отправился в погоню за славой в Уппсалу. Там, вместо славы его встретила нищета.

Тогда он покинул город и стал ходить по ярмаркам, наигрывая скандинавские мелодии. Девочка неотступно следовала за отцом, восторженно слушая его игру и вторя ей своим тоненьким, еще детским голоском.

Однажды на ярмарке в Льюнгбю их услышал профессор Валериус и увез обоих в Готенбург. Отец, по его словам, был первый в мире скрипач, а дочь могла стать великой артисткой, на Кристину мэтр обратил особое внимание. Она обладала блестящими способностями и поражала окружающих своей красотой, грацией и трудолюбием. За короткое время она сде-

лала поразительные успехи. Между тем обстоятельства сложились так, что профессор с женой вынуждены были уехать во Францию. Они захватили туда и Даэ с Кристиной. Девочка, нашедшая в мадам Валериус вторую мать, восприняла этот переезд спокойно, но сам Даэ безумно затосковал по родине. Париж его не интересовал, он целыми днями просиживал с дочерью у себя в комнате и тихо наигрывал свои родные песни. Иногда мадам Валериус тихонько подкрадывалась к дверям, останавливалась, вздыхала и поспешно вытирала непрошенную слезу. Она тоже тосковала по своему родному серому скандинавскому небу.

Даэ воскресал только летом, когда вся семья перекочевывала в почти неизвестный тогда уголок Бретани — Перро-Гирэк. Его прельщало море, такое же серое, холодное, как и там, на севере; он целыми часами просиживал на пляже, наигрывая самые заунывные мелодии, и ему казалось, что море затихает, слушая эти «дивные» звуки.

Несколько раз за лето, обыкновенно в период народных празднеств, или каких-нибудь гуляний, он забирал свою скрипку и уходил, как прежде, бродить из деревни в деревню. Иногда мадам Валериус отпускала с ним Кристину, и тогда его счастьем не было конца. И стар и млад все сбегались их слушать, не было деревушки, куда бы они не заглянули, пренебрегая гостиницами и ночуя где-нибудь на гумне, тесно прижавшись друг к другу, как несколько лет назад, когда у них действительно не было пристанища.

Крестьяне с изумлением глядели на этого прилично одетого, отказывавшегося от каких бы то ни было подачек человека, на сопровождавшую его прелестную, как ангел, девочку и провожали их от одной деревни до другой.

Однажды им встретился какой-то, видимо приезжий, мальчик. Очарованный нежным, чистым голосом Кристины, он, несмотря на уговоры сопровождавшей его гувернантки, ни за что не хотел с ними расстаться. Таким образом, они дошли до маленькой бухты, носящей и по сей день название Трестрау. В те времена там не было ничего, кроме неба, моря, золотистого берега и сильного ветра, который внезапным порывом сорвал одетый на Кристине шарф и унес его в море. Кристина вскрикнула, хотела его схватить, но он уже был далеко, на волнах.

— Не беспокойтесь, мадемуазель, — услышала она вдруг чей-то голос, — я вам его сейчас достану.

И она увидела мальчика, бежавшего, несмотря на громкие протесты сопровождавшей его почтенной дамы, прямо к морю. Минута, и он, как был в платье,

бросился в воду и, схватив шарф, выбрался с ним на берег, где передал его Кристине. Шарф и его спаситель были в самом плачевном состоянии. Гувернантка все еще не могла успокоиться, но Кристина смеялась от души, и на прощание поцеловала мальчика. Тот мальчик был виконт де Шаньи! Он приехал на лето с теткой в Ланьон. Они стали видаться почти ежедневно, и по просьбе тетки, переданной ему через профессора Валериуса, Даэ согласился давать юному виконту уроки игры на скрипке. Вот таким образом Рауль полюбил те же мелодии, которыми было наполнено детство Кристины.

Они оба были юными мечтательными созданиями, обожали таинственные рассказы, старые бретонские сказки, но самым большим их удовольствием было слушать рассказы старика Даэ. Когда спускались сумерки и солнце, как огромный огненный шар тонуло в море, Даэ садился у откоса дороги поближе к детям и среди безмятежной тишины наступающего вечера вполголоса, словно боясь спугнуть парившие вокруг них призраки, начинал рассказывать прекрасные и вместе с тем мрачные легенды севера. То это были дивные, как мечта, сказки Андерсена, то грустные до слез песни Рунеберга. Когда он умолкал, дети нетерпеливо просили «еще».

Один рассказ начинался так:

«Маленькая Лотта была беззаботна, как птичка. Солнце играло в её белокурых, как золото, кудрях. Её душа была также чиста и безмятежна, как взгляд её светлых, голубых глаз. Она всегда слушалась маму, любила свою куклу, берегла свои платья, красные сапожки и скрипку, но самым её большим удовольствием было засыпать под пение «Ангела музыки»...

Слушая этот рассказ, Рауль смотрел на белокурые локоны и голубые глаза Кристины, она же с завистью думала о том, как была счастлива Лотта, слушая «Ангела музыки». Вообще, во всех рассказах Даэ непременно фигурировал «Ангел музыки» и дети не переставали им интересоваться. По словам Даэ, все великие музыканты и артисты хоть раз в жизни встречаются «Ангела музыки». Иногда, как это было с маленькой Лоттой, он склоняется над их колыбелью, отчего и случается, что шестилетние дети играют на скрипке лучше пятидесятилетнего музыканта. Иногда же, когда дети непослушны и не хотят как следует заниматься, он приходит значительно позже, или даже не приходит совсем, если человек не чист душой и не обладает спокойной совестью.

«Ангел музыки» невидим, избранные могут только слышать его голос, и чаще всего в самые тяжелые минуты жизни, когда они расстроены и печальны, до них доносятся такие дивные, небесные звуки, которых они уже никогда не забудут. Лица, слышавшие «Ангела музыки», остаются под этим впечатлением всю жизнь. Они исполнены такого божественного вдохновения, что делаются совсем не похожими на простых смертных. Стоит им дотронуться до инструмента или пропеть несколько нот как все меркнет и становится пошлым, ничтожным перед этими небесными звуками. Таких людей обыкновенно называют гениальными.

На вопрос Кристины, слышал ли её отец когда-нибудь Ангела музыки, Даэ грустно качал головой, потом, нежно глядя на дочь, говорил:

— Но ты, дитя мое, его услышишь. Когда я буду на небе, я его тебе пришлю. Даю слово!..

Между тем наступила осень, и Рауль с Кристиной расстались.

Когда они увидались опять, три года спустя, то были уже взрослыми.

Воспоминание об этой встрече, произошедшей опять в Перро, Рауль сохранил на всю жизнь. Профессор Валериус уже умер, но его вдова продолжала жить во Франции, также как и Даэ с дочерью, всецело отдавшиеся музыке, которая стала теперь единственным утешением их доброй покровительницы. Молодой человек, случайно попав в Перро, также случайно забрел в дом, где когда-то жила его маленькая подруга. Первого, кого он увидел, был старик Даэ, встретивший его со слезами на глазах, как самого близкого родственника. Не успел он сказать нескольких слов, как дверь открылась и в комнату вошла, с подносом в руках, прелестная молодая девушка. Узнав Рауля, она слегка покраснела, поставила поднос на стол и в нерешительности остановилась. Рауль подошел и поцеловал ее. Она задала ему несколько вопросов, любезно угостила чаем и вышла из комнаты. Ей хотелось скрыться в самую глубину сада, как можно дальше. Какие-то новые чувства впервые теснились в её юном сердце. Рауль ее все-таки отыскал, и, они проболтали до самого вечера, напрасно стараясь разогнать охватившее их смущение. Они не узнавали друг друга, все в них казалось им чуждо и ново и, осторожные, как два дипломата, они думали только о том, как бы ни выдать своих зарождающихся чувств. Расставаясь, Рауль осторожно прикоснулся губами к дрожавшей руке Кристины и сказал: «Мадемуазель, я вас никогда не забуду», фраза, за которую он себя долго упрекал, так как отлично понимал, что Кристина Даэ никогда не могла стать женой виконта де Шаньи.

Что касается Кристины, то она, вернувшись домой, сказала отцу:

— Ты не находишь, что Рауль сильно изменился? Он мне больше не нравится.

И чтобы заглушить в себе всякую мысль о виконте, она вся отдалась искусству. Её успехи оказались поразительны. Все слышавшие её пение пророчили Кристине блестящее будущее. Но как раз, в это время умер её отец, и с его смертью она, казалось, утратила все: и голос, и талант, и вдохновение. Конечно, её данные все-таки позволили ей поступить в консерваторию, но она ничем не отличалась от других учениц, занималась кое-как, без всякого увлечения, и если и окончила с наградой, то только потому, что хотела порадовать мадам Валериус, с которой она по-прежнему продолжала жить вместе. Увидев Кристину на сцене Парижской Оперы, Рауль, очарованный красотой молодой девушки, испытал в тоже время некоторое разочарование от её пения. Прежнего вдохновения как не бывало, она как будто не отдавала себе отчета

в том, что поет. Тем не менее, он стал посещать театр, начал появляться за кулисами, ждать её выхода, всячески стараясь привлечь к себе внимание.

Случалось даже, что он провожал ее до порога гримерной. Все было напрасно. Она его не замечала. Но справедливости ради стоит сказать, она также не замечала и других поклонников. словно это была не женщина, а само воплощенное равнодушие. Неопытный, застенчивый Рауль мучительно страдал, не смея даже самому себе признаться в этом неожиданно зародившемся чувстве. И вдруг эта внезапная, как удар грома, метаморфоза! Этот ангельский голос, разом открывал ему тайну его собственного сердца, его любовь, его муки!..

А потом, потом эти ужасные слова, произнесенные таинственным мужским голосом: «Вы должны меня любить!» и... загадочная пустота в гримерке!..

Почему, на его слова, что он тот самый мальчик, который вытащил из воды её шарф, она только рассмеялась? Как она могла его не узнать!..

И теперь вдруг, это письмо...

Боже мой! Как медленно тащился дилижанс... как дребезжали стекла!.. Вот перекресток дорог... вот знакомые степи, такие печальные, под бледным, почти белым небом. Он узнает хижину, ограды, даже деревья... Вот последний поворот направо... еще один спуск и, наконец, море... Перро!..

Говорят, что она остановилась в гостинице «Закат Солнца»... Впрочем, конечно, тут другой и нет. Да и зачем? И ему вспомнилось, как они с Кристиной ходили туда слушать сказки. Боже, как бьется сердце! Как-то она его там встретит!.. Первой, при входе в столовую старой гостиницы, его встретила тетка Трикор. Она его сразу узнала и после обычных приветствий расспросила, что привело его в эти края. Он отвечал, краснея, что приехал в Ланьон по делам и заехал ее навестить по старой памяти. На предложение позавтракать он вежливо ответил: «Чуть позже» и замер в ожидании. Наконец, дверь распахнулась. Рауль вскочил с места. Она!.. Кристина! Он не ошибся! Не имея сил от волнения произнести хоть одно слово, виконт снова сел на стул. На её прелестном улыбающемся лице ни малейшего удивления. Она сияла свежестью и здоровьем, в её глазах, прозрачных, как дремлющие озера её прохладной родины, отражалась кристальная чистота её юного, нетронутого жизнью сердца. меховое манто полуоткрыто и было видно как, вероятно от быстрой ходьбы, вздымается её нежная грудь. Рауль и Кристина молча смотрели друг на друга, пока старая Трикор, лукаво улыбаясь, не вышла из комнаты. Наконец Кристина сказала:

— Ваш приезд меня несколько не удивил. Я предчувствовала, что увижу вас именно здесь, в этой гостинице, вернувшись из церкви. Мне уже сообщили о вашем приезде.

— Кто сообщил? — спрашивает Рауль, взяв, без всякого с её стороны сопротивления, её маленькую ручку.

— Мой бедный папа!

На минуту воцаряется тишина.

— Он вам наверно также сказал, что я вас люблю, Кристина, что я не могу жить без вас, — говорил Рауль.

Молодая девушка, смущаясь и густо краснея, отвернулась.

— Меня? Но это безумие, мой друг, вы шутите. — Её голос дрогнул, и она, стараясь подавить смущение и выглядеть уверенней, рассмеялась.

— Не смейтесь, Кристина, я вовсе не шучу.

Она снова стала серьезной.

— Я не для того вызвала вас сюда, чтобы выслушивать подобные вещи.

— Вы меня «вызвали»? Какое счастье! Значит, вы ни минуты не сомневались в том, что я все брошу для того, чтобы прилететь в Перро? И после этого вы будете отрицать, что знали о том, что я вас люблю!..

— Я просто-напросто думала, что вам дороги воспоминания детства, память о моем отце. Вообще, я сама не знаю, о чем я тогда думала. Может быть, я не должна была вам писать. Ваше внезапное появление в тот вечер в моей примерной воскресило во мне все прежние воспоминания, и я вам написала, не отдавая себе в этом отчета, как написала бы своему маленькому другу, в минуту грусти и одиночества, прежняя маленькая девочка...

Опять молчание... Рауль пристально смотрел на нее. Она не сердится, нет, наоборот, в глубине её глаз целое море какой-то тоскливой нежности. Но вот именно эта тоска, и, кажется, ему подозрительной и дразнит его своей необъяснимой загадкой.

— Тогда, в примерной, вы увидели меня в первый раз, Кристина?

Она не умеет лгать.

— Нет, я уже видела вас в ложе вашего брата и... потом, когда вы приходили на сцену.

— Я так и думал, — раздраженно сказал Рауль. — Объясните же, пожалуйста, почему, увидев меня в своей комнате, вы, в ответ на мои слова, что я тот самый мальчик, который вытащил из воды ваш шарф, не нашли ничего лучшего, как рассмеяться.

Кристина с удивлением подняла на него глаза. Но его самого, кажется, поразила подобная смелость и неуместный тон в такую минуту, когда он хотел рассказать о своей любви и преданности. Так мог бы говорить только муж, человек, имеющий права, обманутый любовник.

Это сознание своей неправоты рассердило его еще больше и он окончательно вышел из себя.

— Вы молчите?! Ну, так я отвечу за вас. Вы не хотели меня узнать от того, что вы были тогда не одна в примерке и не хотели показать этому человеку, что можете интересоваться кем-нибудь другим, кроме него.

— Если вы думаете, мой друг, что меня кто-нибудь стеснял, — холодно перебила его Кристина, — то это очевидно были вы, почему я и попросила вас уйти.

— Ну да, конечно... конечно... Чтобы остаться с тем!..

— О ком вы говорите? — задыхаясь, спросила девушка.

— О том, кому вы сказали: «Я пою только для вас. Я вам сегодня отдала всю мою душу, я еле жива»!

Кристина схватила Рауля за руку и сжала ее с силой, какую нельзя было подозревать в таком хрупком, нежном существе.

— Вы подслушивали?

— Да! Но только потому, что я вас люблю... И... я все слышал...

— И что же вы слышали? — внезапно успокаиваясь, спросила она.

— Я слышал, как он вам сказал: «Вы должны меня любить»!

При этих словах Кристина побледнела, качнулась и едва не лишилась чувств. Но через несколько секунд, переборов волнение, прошептала еле слышно:

— Говорите, ради Бога, говорите, что вы еще слышали!..

Рауль, ничего не понимая, продолжал молчать.

— Говорите же, наконец, разве вы не видите, что вы меня мучаете!..

— Я слышал, как в ответ на ваши слова, что вы отдали ему всю душу, он сказал: «Благодарю тебя, дитя мое, твоя душа прекрасна. Самый могущественный император позавидовал бы такому подарку. Ты заставила плакать ангелов».

Кристина в волнении прижала руки к сердцу. Ее, устремленные в одну точку, глаза наполнились таким ужасом, что Раулю на миг показалось, что она сошла с ума. Но вот мало-помалу её глаза снова оживают и две крупные слезы тихо скатываются по её щекам.

— Кристина!..

— Рауль...

Он попытался ее обнять, но девушка вырвалась из его рук и в слезах выбежала из комнаты.

Рауль был вне себя от злости и ревности. Он упрекал себя за бестактность. Хотя находил ей некоторое извинение: свою безумную ревность. Кристина не зря так напугана тем, что ее тайна известна ему, видимо, эта тайна для нее важна. Так рассуждал виконт, хотя и он не переставал надеяться на целомудренность Кристины, но прекрасно понимал какая атмосфера любви и вожделения окружает любую артистку, тем не менее, для него было ясно, что в данном случае она «отдала только душу» и это очевидно касалось только музыки и пения. Но тогда, почему она так взволнована? Он снова почувствовал себя глубоко несчастным. О! если бы он мог видеть того мужчину! Почему Кристина убежала? Где она? Он отказался от завтрака и по мере того, как протекали часы, от которых он ждал так много счастья и утешения, он становился все печальнее. Что ей мешало выйти сюда и пойти вместе с ним бродить по знакомым местам, полным для них обоих таких сладких воспоминаний? Почему, наконец, она не уезжает, если находит, что ей здесь больше нечего делать? Он знал, что она еще сегодня утром отслужила по отцу панихиду и долго молилась на его могиле.

Занятый этими грустными мыслями, Рауль сам не заметил, как забрел на кладбище. Яркие красные розы, резко выделявшиеся на белоснежной пелене выпавшего накануне снега, сразу указали ему место упокоения бродячего музыканта Даэ. Они наполняли ароматом весь уголок кладбища и, казалось, что сама жизнь расцвела в этом убежище смерти. А кругом все дышало смертью, даже земля была настолько переполнена её жертвами, что им, казалось, не хватало места и целые сотни скелетов и черепов были сложены один на другом у церковной стены, придерживаемые только тоненькой железной проволокой. Все эти сложенные, как кирпичи, черепа, перемешивающиеся с блестящими белыми костями, казались фундаментом, на котором воздвигнут храм. И, как это часто встречается в старинных бретонских церквях, вход в ризницу приходился как раз между двумя рядами этих печальных свидетельств ушедших жизней.

Рауль помолился на могиле Даэ и, удрученный тяжелым зрелищем этих вечно улыбающихся черепов, вышел за ограду кладбища, поднялся на гору и сел на краю утеса. Ветер сердито играл гребнями волн, прогоняя последние проблески тусклого, умирающего дня. Сгустились сумерки, бледные тени окутывали равнину; ветер затихал, воздух становился свежее... Но Рауль не чувствовал холода. Он весь ушел в воспоминания. Сколько раз бывало, в лунные вечера, он приходил сюда с маленькой Кристиной, уверявшей, что как только взойдет луна, в долину собираются все горные духи и справляют праздник. Но ему несмотря на хорошее зрение, никогда не удавалось их видеть, но за то Кристина, немного близорукая с детства, говорила, что видит их отлично. Это воспоминание вызвало у него улыбку, но вдруг он вздрогнул. Чья-то, неизвестно откуда взявшаяся тень, сказала:

— Как вы думаете, они сегодня придут?

Это была Кристина. Он хотел что-то сказать, но она закрыла ему рот рукой.

— Послушайте, Рауль, я хочу вам сказать нечто очень, очень важное. — Её голос дрожал, но она все-таки продолжала:

— Помните легенду об «Ангеле музыки»?

— Еще бы, я даже помню, что ваш отец рассказал нам ее на этом самом месте.

— Да. И он мне сказал: «Дитя мое, когда я буду на небе, я тебе его пришлю». И вот он умер и меня посетил «Ангел музыки».

— Я так и думал, — серьезно произнес молодой человек, растроганный тем, что она, как он понял, приписывает свой недавний успех благословию покойного отца.

Кристина как будто слегка удивилась тому хладнокровию, с которым виконт принял её рассказ о посещении «Ангела музыки».

— Что вы хотите этим сказать? — спросила она, наклоняясь к нему так близко, что ему показалось, что она хочет его поцеловать, между тем, как на самом деле она только хотела заглянуть ему в глаза.

— Я хочу сказать, — ответил он, — что для того, чтобы человек мог петь так, как вы пели в тот вечер, нужно, чтобы с ним произошло какое-нибудь чудо, чтобы само небо подарило его такими божественными звуками. И потому я верю, что вы слышали Ангела музыки, Кристина.

— Да, — торжественно сказала она, — я слышала его у себя в гримерной, где он каждый день давал мне уроки вокала.

Она сказала эти слова таким странным, вдохновенным тоном, что Рауль взглянул на нее с беспокойством, как смотрят на больную, рассказывающую о своих галлюцинациях.

— В вашей гримёрной? — машинально повторил он.

— Да, — и не я одна его слышала...

— Кто же еще?

— Вы, мой друг.

— Я! Я слышал Ангела музыки?

— Ну, да! В тот вечер, когда вы слышали у меня в комнате мужской голос, это говорил он. Только я думала, что я одна его слышу. Потому я так и была удивлена, когда узнала, что вы тоже можете его слышать...

Рауль внезапно расхохотался. В эту самую минуту тучи рассеялись, и показавшаяся луна облила их бледным, ласкающим светом. Кристина была возмущена, её обыкновенно кроткие глаза теперь метали молнии.

— Я не понимаю вашего смеха. Вы все еще думаете, что со мной говорил мужчина?

— Само собой, разумеется, — ответил молодой человек, сбитый с толку её решительным тоном.

— И это говорите мне вы? Вы, мой друг детства, любимец моего отца!? Я вас не узнаю, Рауль! Но, что же вы подозреваете, что? Я честная девушка, виконт. Если бы вы вошли в гримерную, вы бы убедились, что там никого нет.

— Я это знаю. Когда вы вышли, я сейчас же вошел в гримерную и убедился, что там никого не было.

— Видите, я права! Следовательно...

Виконт призвал на помощь все свое мужество.

— Следовательно, над вами кто-нибудь смеется.

Она громко вскрикнула и бросилась бежать. Он, пытался остановить ее, но она на ходу крикнула ему: «Оставьте меня, оставьте!», и скрылась.

Рауль вернулся в гостиницу усталый и печальный.

Узнав, что Кристина поднялась к себе и сказала, что не будет обедать, он кое-как пообедал и тоже ушел в свою комнату. Но ему не удавалось заснуть. Рядом, в комнате Кристины, все было тихо. Что она делала? Спала? Мечтала? О чем, или вернее о ком? Мысли его путались. Станный разговор с Кристиной окончательно сбил его с толку. Он не столько думал о самой Кристине, сколько о чем-то «окружающем» ее, таком таинственном, сказочном и неуловимом, что у него кругом шла голова.

Часы медленно ползли один за другим, как вдруг, приблизительно около половины двенадцатого, в соседней комнате раздались легкие шаги. Значит, Кристина не спала! Не отдавая себе отчета в том, что он делает, молодой человек, стараясь не шуметь, поспешно оделся и стал ждать. Сердце его тревожно билось; он был готов на все. До него донесся скрип отворяемой двери. Он тихонько приоткрыл дверь своей комнаты и при свете луны увидел белый силуэт Кристины. Она пошла по коридору и стала спускаться по лестнице. В один момент он тоже был у перил лестницы. До него долетел голос хозяйки: «Не потеряйте ключ!»! Затем послышался стук отворяемой и опять закрываемой двери и все затихло. Рауль бросился в свою комнату и распахнул окно. Белая тень Кристины двигалась по пустынной набережной. У самого окна возвышалось большое развесистое дерево. Рауль, недолго думая, ухватился за его могучие сучья и в одну минуту был на земле, к великому удивлению хозяйки, которая не могла потом понять,

каким образом он выбрался из комнаты. Можно поэтому судить, каков был её испуг, когда наутро в гостиницу принесли полуживого, окоченевшего виконта, случайно найденного без чувств на ступенях главного алтаря кладбищенской церкви. При помощи Кристины ей скоро удалось привести его в чувство, и при виде очаровательного личика своей прежней приятельницы, ему сразу стало легче.

Что же произошло? Несколько недель спустя, когда известная драма в Гран Опера вызвала вмешательство судебных властей, судебный следователь Мифруа, допрашивая виконта де Шаньи, коснулся, между прочим, событий вышеупомянутой ночи.

И вот что им было записано:

Вопрос. — Мадемуазель Даэ не видела, как вы спустились по дереву из своей комнаты?

Ответ. — Нет, милостивый государь, тысячу раз нет. Между тем я следовал за ней по пятам, даже не стараясь ступать беззвучно. Наоборот, у меня было одно желание, чтобы она обернулась и заметила меня. Я не мог не сознать, что мое поведение некорректно и быть в роли шпиона недостойно моего имени. Но она, казалось, меня не замечала. Она прошла до конца набережной, потом вдруг повернула назад, и в то время, как на церковных часах пробило три четверти двенадцатого, стремительно направилась к кладбищу.

Вопрос. — Кладбищенские ворота были открыты?

Ответ. — Да, но это необычайное обстоятельство, по-видимому, нисколько не удивило мадемуазель Даэ.

Вопрос. — На кладбище, никого не было?

Ответ. — Я, по крайней мере, никого не заметил. Между тем ночь была лунная и благодаря выпавшему снегу, было совсем светло.

Вопрос. — Может быть, кто-то прятался за могилами?

Ответ. — Нет. Все могилы были настолько низки и занесены снегом, что от них были видны только одни кресты. Кроме нас никого не было. Церковь стояла залитая каким-то особенным, прозрачным лунным светом.

Вопрос. — Вы вообще суеверны?

Ответ. — Нет, я просто человек верующий.

Вопрос. — Как вы были тогда настроены?

Ответ. — Я был совершенно спокоен и отдавал себе отчет в том, что происходит. Сначала, конечно, ночная прогулка мадемуазель Даэ меня несколько смутила, но видя, что она пошла на кладбище, я подумал, что мадемуазель хотела еще раз побывать на могиле отца, и успокоился. Меня только удивляло, что она не слышит моих шагов, так как снег хрустел у меня под ногами. Думая, что она погружена в воспоминания об умершем, я не хотел ей мешать, и остановился в нескольких шагах от нее. Она опустилась на колени и стала молиться. В эту минуту пробило полночь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.